

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	5
--------------	---

Часть первая «БЫЛА ТА СМУТНАЯ ПОРА...»

Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10	54
Глава 11	59
Глава 12	64
Глава 13	69
Глава 14	74
Глава 15	79
Глава 16	84
Глава 17	88
Глава 18	93
Глава 19	97
Глава 20	102
Глава 21	107
Глава 22	112
Глава 23	117
Глава 24	122

Часть вторая
«ПОЛУДЕРЖАВНЫЙ ВЛАСТЕЛИН»

Глава 1	128
Глава 2	132
Глава 3	138
Глава 4	143
Глава 5	147
Глава 6	152
Глава 7	157
Глава 8	162
Глава 9	166
Глава 10	171
Глава 11	176
Глава 12	181
Глава 13	186
Глава 14	191
Глава 15	196
Глава 16	201
Глава 17	206
Глава 18	210
Глава 19	216
Глава 20	220
Глава 21	225
Глава 22	229
Глава 23	234
Глава 24	238

Часть третья
«РОССИЯ МОЛОДАЯ»

Глава 1	244
Глава 2	248
Глава 3	253
Глава 4	258

Глава 5	263
Глава 6	268
Глава 7	273
Глава 8	277
Глава 9	282
Глава 10	287
Глава 11	292
Глава 12	296
Глава 13	301
Глава 14	306
Глава 15	311
Глава 16	315
Глава 17	321
Глава 18	325
Глава 19	330
Глава 20	334
Глава 21	339
Глава 22	343

ПРОЛОГ

— Витька, ты что охренел?! Если полициям на дороге попадусь, меня за этот ствол живо притянут. Ладно, ракетницы и патроны с этой лабудой — тут «административка» корячится, «охотничий билет» дома, с собою не взял, но отбрешусь, если сейчас попадусь. Но ружье перебор, люльке досмотр устроят и притянут меня к статье живо...

— Да брось ты, с войны вернулся, а труса празднуешь, — коренастый мужик лет тридцати, с явственным запашком перегара, пренебрежительно отмахнулся. — Тебе что, «вертикалка» вторая, такая же, как у тебя, не нужна? Вы же с покойным дядькой схожие ружья имеете, вот и забирай. И весь арсенал к ней тоже — тебе пригодится. А вот меня точно притянут, если найдут. На хрена лишние проблемы нужны?!

Резон в словах двоюродного брата был весомый — хранить ему дома такое действительно

но нельзя, обязан сдать «органам» и получить соответствующую «компенсацию», от которой все куры на подворье со смеха сдохнут. А ружье вообще «левое» — с рук покойный дядя Саша купил. По дешевке — чего только в начале лихих девяностых (о которых сам Иван имел смутные воспоминания, ведь тогда пешком под стол ходил) не продавалось людьми, у которых денег даже на хлеб не было, а зарплаты не выплачивали месяцами. И оправдание подходящее — строим капитализм.

Построили — и что?!

Князев тяжело вздохнул, посмотрев на Витьку — двоюродный брат уже разобрал ТОЗ-34 на две части и засовывал стволы в чехол. Вообще-то вещь стоящая, пригодится. Как там киногоерой говорил — «тяжело в деревне без нагана», а так сразу два ружья 12-го калибра будет, в хозяйстве пригодится, пить-кушать не просят. Но внутри души сейчас что-то ныло, ощущение такое, будто на тебя через оптику прицела снайпер смотрит. Своей интуиции Князь, а именно такой был у него позывной на СВО, доверял полностью — несколько раз спасала от неминуемой смерти.

— Да ладно, братка, не тушуйся, уложим в коляску, початками и картошкой прикроем, обычное дело. И в объезд давай, на грунтовке постов отродясь не было, «соловьи-разбойники» те еще свистуны. Так что проедешь спокой-

но. Заочковал, братка, хотя сам, небось, с войны ствол привез?!

— Я в госпиталь осколок в родимой заднице привез, а не ствол, — фыркнул Иван Князев, расхохотавшись, возникшее напряжение схлынуло, и он ощутил полное спокойствие, будто и не было «сигнала». Однако на всякий случай по насмерть вбитой привычке оглянулся — на них никто не смотрел, что не мудрено — в деревне, которую посчитали «бесперспективной» еще перед московской олимпиадой, проживало сейчас только три семьи.

Странно наблюдать пустынный, без людей край, глушь с лесами, хотя до МКАД сотня километров всего. Но в огромном десятимиллионном мегаполисе кипит жизнь, а тут она словно застыла при тягучем времени, идущем от Батыева нашествия. Пыльная грунтовая дорога, почерневшие бревенчатые дома — и только линия столбов с проводами говорила о том, что электричество, эта основа цивилизации, здесь имеется. А потому люди тут фермерствовали, в больших городах всегда любят очень хорошо покушать, так что свежие овощи и заготовки сбыт легко находили. Имелись даже постоянные покупатели, из числа тех, кто любит «домашнее», не привозное от «южных соседей», заведомо столичных рынков.

Иван тряхнул головой с коротким «ежиком» седых волос, сбрасывая некстати появив-

шиеся мысли, и, посмотрев на ружье, негромко произнес:

— Хотя калаш не помешал бы, времена смутные наступают. Даже поход на Москву недавно «музыканты» устроили, охренть можно, как ополчение с Мининым и Пожарским. Ладно, давай укладывай, и картошку дашь заодно — мать с сестрой мало выкопали, на зиму им не хватит. Мне через три недели на комиссию, так что я ненадолго. В октябре поеду обратно, меня в бригаде ждут. Потери большие, каждый боец на счету..

Князев тяжело вздохнул — снова отправляться на войну ему категорически не хотелось. Да кому же хочется умирать, а за последние полтора года он насмотрелся на смерть во всех ее страшных обличьях.

— Ладно, давай загружать, чего лясы точить — вечереет уже!

Ружье оказалось в люльке, вслед за ним отправился обычный ящик с маркировкой для автоматных патронов 7,62 мм — это добро после развала «великого и могучего» выбрасывалось, и предприимчивые селяне хранили в них всякий нужный в хозяйстве инструмент. Кряхтя, Виктор сунул сверху мешок картошки, затем приволок другой, водрузил сверху. Сунул несколько початков кукурузы (выращивал сам, любил мамалыгу варить, отчего получил прозвище «Румын»), «корзинки» подсолнечника,

отрывисто бросил, приспособившая штыковую лопату:

— Это твоим, просили. Да, вот еще лопата для антуража — никто не удивится, все еще копают картоху. Ладно, Ваня, поезжай, а то действительно вечереет, и тучи собираются — ночью дождь будет. Я к вам послезавтра приеду, в магазине прикупить кое-чего нужно.

— Давай, только с ночевкой останешься — куда пьяному за руль!

— Только мамалыгу сварю — пальчики оближешь!

Братья засмеялись — действительно, урожай убран, чего не выпить-то, в жизни и так удовольствия мало. Тем более, когда на войну снова ехать — а то, что она затянется, сомнений у них уже не было.

— Бывай, Владимирович, приеду, ждите...

«Урал», купленный когда-то покойным отцом за солидную сумму в полторы тысячи «увесистых» советских рублей, уверенно рычал мотором — движок он сразу перебрал по прибытии в отпуск. За мотоциклом тянулся пыльный шлейф — стояла теплая, почти жаркая погода, словно наступили летние дни. Это хорошо — нет ничего мерзостней, чем ковыряться лопатой в дождь во время уборки картофеля. Надо ждать пока земля подсохнет.

— Бл... Что за хрень!

Иван успел удивиться и выругаться — на проселке внезапно появился огромный клубок то ли дыма, то ли тумана, непонятный. Страшный сам по себе, несущий нешуточную угрозу — интуиция буквально взвыла, ощутив смертельную опасность. Отвернуть Князев просто не успел, с ходу влетев в «туман» — лицо липкой паутиной опутало, сырой, неприятной. И страшный удар, от которого потерял сознание...

Часть первая
«БЫЛА ТА СМУТНАЯ ПОРА...»

Глава I

— Твою мать... Гребаный туман!

В нескольких словах Иван выразил свое отношение к произошедшей аварии. Он ощутил себя лежащим на чем-то твердом. Но не на камнях, а каких-то шариках, с подложенными колючими ветками шиповника или акации. В «отключке» был несколько секунд, вряд ли больше, и то не полностью, зацепившись краем разума за происходящее. Такое бывает зачастую при контузии, когда летишь от разрыва и понимаешь, что произошло. Хотя при этом ничего не слышишь и почти не видишь — но чувство полета ни с чем не спутаешь, как и приземления — словно тебя как мешок с песком бросают...

— Твою мать! Гребаный туман...

Теперь та же ругань прозвучала совсем с другой интонацией — наступило полное непонимание, близкое к охренению, стоило ему посмотреть вокруг. И есть отчего впасть в столбняк, замотать головой, как делают уставшие, вернее загнанные лошади.

Князев прекрасно помнил, что ехал по проселку, что шел посередине большого луга, растянувшегося вдоль речки Чернухи — плевком можно на ее другой берег дотянуться. А теперь его окружали со всех сторон кусты, но это полбеды — вокруг стоял лес, причем густой, и его мотоцикл был зажат между двумя березками с кудрявыми свернутыми листочками на ветках.

— Гребаный туман?! Твою мать... и еще раз...

Словно «заезженная» проигрывателем пластинка Князев повторял одни и те же слова, но в совершенно разной интерпретации, экспрессивно выражая свое отношение, как к случившемуся, так и к происходящему. Он не верил собственным глазам, да и как им доверять, если окружавшая его обстановка не соответствовала случившемуся.

— Откуда лес?! Где дорога, твою мать!

Вопросы были уместные, вот только ответа на них не имелось. Можно было подумать, что некие шутники, пользуясь тем, что он лежал без сознания, отволокли его мотоцикл в чащобу, потом перенесли его брэнную тушку и положили рядом. Нет, дебилов хватает, их пруд пруди, если присмотреться, но нужно быть законченным идиотом, чтобы такие розыгрыши над другими устраивать, воспользовавшись первым удобным случаем.

— Может быть, это только сон?! Я сплю, а эта вся хрень только мираж, бред воспаленного сознания, не больше...

Мысль показалась ему здоровой, но коснувшись пальцами лба, он ощутил припухлость, набухла «шишка» — следствие «стыковки». И сдавил ее, нажав со всей дури. Ощущение то еще — будто кипятком по оголенным нервам плеснули, а боль такая, что писать хочется. И маты полезли из глубины души, выражая ее отношение к совершенной глупости.

— Какой на хрен сон — больно! Сразу бы проснулся!

Поднявшись на ноги, Иван окончательно убедился, что не спит, и все окружающее его есть самая доподлинная реальность, существующая помимо его взбудораженных мыслей. Князев машинально сорвал с ветки березовый листок, еще свернутый, потер пальцами, и тут до него, как говорится, «дошло». Листики на деревьях и кустах сами говорили за себя — сейчас весна, идет вторая половина апреля, сезон сбора березового сока закончился. И трава под ногами проклюнулась недавно, сочная, весенняя.

— Был сентябрь, а тут середина весны, — пробормотал Иван и покачал головой. Затем всей пятерней по исконной русской привычке, поскреб по затылку, ощущая тот же короткий «ежик» жестких волос, отнюдь не выросших,

точно таких, как и прежде. Затравленно осмотрелся еще раз, посмотрел на кусты — задний раздавлен и смят мотоциклом — было видно, что «Урал» по нему прошелся и уткнулся в березы. Но дальние кустарники вообще не затронуты, возникло ощущение, что мотоцикл с ним будто с неба опустился и проехал с десятков шагов.

— Ничего не понимаю, как такое могло случиться?!

Машинально осмотрел мотоцикл — тот практически не пострадал на первый взгляд, вот только вытащить его из чащобы дело затруднительное, и один он вряд ли справится. К тому же совершенно непонятно, где он находится и в какую аномалию угодил.

— Попал так попал, в самую задницу.

Голос был уже спокойным — Иван взял себя в руки, мандраж прошел, хотя стресс оказался нешуточным для нервов. Но пребывание на войне учит человека многому поневоле, там «двоечники» и слабонервные просто не выживают. Они погибают первыми, давая возможность другим учиться на их смерти. Естественный отбор во всей красе!

Рука потянулась к карману камуфляжа — и тут он усмехнулся, нащупав не привычную пачку сигарет, а только коробок спичек да телефон. На войне многие курят, а он бросил. Может все дело в табаке — местные сигареты были

травы травой, курить невозможно. И по вкусу напоминали запах усопшего, мертвечины, короче. Так что вредная привычка напрочь пропала, и обошлось без «ломки» и мучений, которые испытывают курящие, отказавшиеся от любимого зелья. И хорошо — «дыхалка» стала нормальной, а благодаря ей он, может, и выжил — из-под обстрела надо уходить быстро, как и передвигаться через открытые участки. Бегать короче, что твой заяц, ноги для этого диверсанту и нужны, чтобы вовремя удрать оттуда, где тебя убить могут.

— Батарее конец, — Иван с горечью посмотрел на черный экран смартфона, понимая, что остался без связи. Да и зарядника с собой не имелось — кто же знал, что такая хрень приключиться может. Пять верст до брата и обратно, съездил на часок и попал по самое «не хочу». От горестных мыслей его отвлек хруст веток за спиной — стремительно повернулся и остолбенел.

— Пипец...

Короткое слово сорвалось с его губ, как болт с арбалетного ложа — на коже выступил пот, холодный, предсмертный. А интуиция завопила внутри корабельной сиреной, душа мгновенно ушла в пятки и там затаилась бездыханно. И было отчето — в десяти шагах на задних лапах стоял медведь, смотря на него плотоядно-мутным взглядом...

Глава 2

«Не успею, нет шансов!»

Мысль пронеслась мгновенно, но тело сработало на рефлексах — так часто бывает, Князев отступил на шаг и осознал, что сделал ошибку. Перед ним не человек, медведь. Причем давно вышедший из спячки, отощавший, со свалывшейся шерстью, оголодавший — взгляд о многом говорит. Как и о том, что с человеком сталкивался раньше, и прикидывает сейчас ко-солапый — стоит ли сожрать двуногого или по-годить.

«Надо было ружье вынимать, а не рефлексии предаваться. Болван! Сейчас уже не успею. Лопатой не отобьюсь, ножа нет. В багажнике топор, но запаска сверху, не успею достать. Взгляд держи, страха не показывай, а то бросится. Мишка, шел бы ты отсюда!»

Три шажка Иван сделал почти незаметно, но отступил, прекрасно понимая, что ситуация осталась прежняя, для него крайне опасная. Медведь внимательно смотрел на него, но пока не нападал, просто замер на месте. Будто прикидывал «таежный прокурор» стоит ли это делать вообще, может лучше уйти в лес и не связываться с человеком.

— Сучьи потроха!

Тело сделало все, причем независимо от сознания, а матерный вопль вырвался сам по